

Сов. Кудря Турс, 1986, 23 ссср
Сергей БОНДАРЧУК,

**Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской премии,
народный артист СССР**

Думаю, сегодня как нельзя более актуально звучат слова Льва Толстого, предпосланные нами к фильму «Война и мир»: «Ежели люди порочные, связанные между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только тоже самое. Ведь так просто».

Действительно, так просто понять, что дело мира в наших общих руках. Человечеству необходимо освободиться от страха перед ядерной катастрофой, страха, который буквально парализовал, по моим наблюдениям, многие умы в современном западном обществе. Мне вспоминаются слова, сказанные кем-то на телемосте «СССР — США», что мир — это не отсутствие войны, а деятельная добродетель, порожденная душевной мощью. И я думаю, у народов мира хватит этой душевной мощи, чтобы освободиться от этого страха и предотвратить нависшую ядерную катастрофу.

Как это сделать — об этом говорит грандиозный проект программы ядерного разоружения, изложенный в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева. СССР предлагает вступить в третье тысячелетие без ядерного оружия! Не при помощи войн должны общаться друг с другом государства и народы, а с помощью достижений науки, техники, культуры — всего того, что возвышает человека и нацию в глазах истории.

Горький сказал еще на заре возникновения кинематографа: он может служить добру и может приносить зло.

Да, есть кинематограф гуманистический, который борется за самое дорогое для человека — его жизнь. Кинематограф, который поднимает человека в его глазах, делает его выше, чище, благороднее. И есть тот, который его принижает, заставляя чувствовать себя, говоря словами Достоевского, «униженным и оскорбленным». Такое кино «работает» на разобщение людей, а это самое страшное — разобщение, антагонизм, приводящие к войнам.

Свое сердце я отдал гуманистическому кинематографу. Я за искусство, объединяющее разных людей, передающее ток сердца художника, движения его души другому сердцу. Я за равнодушие.

Содружество кинематографов разных стран неизменно обогащает все стороны. Воспринимаешь опыт других, сближаешься с ранее неизвестными тебе людьми и чище по-человечески.

В своей актерской и режиссерской работе мне много приходилось работать на съемочной площадке с кинематографистами разных стран мира. Мы всегда находили общий язык, потому что говорили на языке искусства и в своих целях были едины. К примеру, актеры, исполнившие в «Красных колоколах» главные роли: итальянец Франко Неро,

американка Сидней Ром для меня были не просто кинозвезды, это были актеры с повышенной требовательностью, с полной самоотдачей относящиеся к своей работе. Могу также сказать, что проблем с разной системой игры для меня не существовало никогда, ибо все значительные мастера мирового кино, с которыми я сталкивался в работе, исповедовали систему великого русского режиссера Константина Сергеевича Станиславского. Исповедовали реалистическое, «душевное» искусство.

Думаю, совместное создание художественной ленты, в которой приняли бы участие кинематографисты всех стран, боровшихся с фашизмом в годы второй мировой войны, было бы прекрасным вкладом в дело борьбы за мир и прогресс.

В американском кинематографе работают выдающиеся мастера — режиссеры, актеры, операторы, вложившие немалый вклад в историю мирового кинематографа. Но, пожалуй, как ни в каком другом, в американском кино наибольшую часть кинопродукции составляют картины, рассчитанные на низкопробные вкусы публики. Много делается и антисоветских фильмов, что, разумеется, также не служит сближению наших народов. Мне хочется рассказать об

эпизоде, который произошел со мной в Лос-Анджелесе на Международном кинофестивале, где я показывал свою картину «Степь». Казалось бы, какое дело американцам, живущим за тысячи миль, на другом континенте, да и в другое время, до русского мальчонки и волнений его души? А в зале было очень тихо. И тишина эта была мне дороже шумных аплодисментов. Фестиваль в Лос-Анджелесе необычный — без призов, без жюри. И после просмотра зрители остаются на местах и «испытывают» режиссера всевозможными вопросами — о картине, о творчестве, о взглядах на искусство. Я волновался, выходя на сцену. Приняли ли «Степь» зрители, привычные коммерческим кинематографом и «шпоу-бизнесом» к фильмам ужасов, к развлекательным киноподелкам и «супербоевикам»? Так вот, они приняли наш фильм — сказала естественная тяга людей к реалистическому, глубоко человеческому. Так, наш Чехов стал достоянием и других, отделенных от нас тысячами километров, обладающих другой исторической биографией людей.

Мы предлагаем: давайте сделаем так, чтобы корабль Земля приплыл к берегам третьего тысячелетия без ядерного оружия в трюмах. Давайте встречаться в космосе как коллеги и друзья. Давайте ходить друг к другу в гости с чистым сердцем, с чистыми руками. Думаю, не может быть сегодня предложения более мудрого и человеческого.